

УДК 94(47+57) "12/14"

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ В СИСТЕМЕ ОРДЫНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**Ю.В.Селезнёв***Воронежский государственный университет, orda1359@mail.ru*

В статье представлены особенности включения Новгородской земли в состав ордынского государства в XIII — XV вв. На основе анализа значительного комплекса источников показано, что уникальность общинно-республиканской модели управления в сочетании с рядом обстоятельств позволили новгородцам извлечь довольно значительные выгоды из сложившейся ситуации.

Ключевые слова: *Русь, Орда, Новгородская земля, русско-ордынские отношения в XIII — XV веках*

The features of Novgorod Land inclusion into the structure of Golden Horde in XIII — XV centuries are presented in the article. The analysis of a significant source complex shows that the singularity of communal-republican governance model in conjunction with some circumstances allowed Novgorodians to derive lots of benefit from the existing situation.

Keywords: *Russia, Golden Horde, Novgorod Land, Golden Horde-Russian relations in XIII — XV centuries*

Когда в результате силовых столкновений происходит слияние, объединение или поглощение одной властной модели другой, непременно наблюдаются изменения в той, которая оказывается в подчиненном положении, т. е. завоеванной. Она вынуждена адаптироваться к новым условиям управления, и в зависимости от качества этой модели развитие в подчиненном положении происходит с большими или меньшими потерями для завоеванной стороны. Новгородская модель управления в XIII столетии оказалась в уникальном положении: она не только не понесла значимых потерь при завоевании монголо-татарами, но и сумела извлечь максимальную выгоду из сложившейся ситуации.

Общинно-республиканская форма общежития, выработанная веками самостоятельного развития Новгорода, привела к формированию особой социальной структуры управления. В отличие от княжеской, по своей сути монархической модели, утвердившейся с большим или меньшим успехом к тому времени в подавляющем большинстве русских земель, данная система подразумевала активное участие в принятии и выполнении решений рядовых общинников. Для этого были сформированы структурные единицы «вольного города» — вече, институты посадничества и тысяцкого. Призвание князя как «военного специалиста» и как стороннего судьи делало его функции в Новгороде

весьма ограниченными. А участие князя в управлении общиной становилось все более и более номинальным.

Когда в середине XIII в. Русь подверглась внешнему силовому воздействию, сложившиеся к тому моменту управленческие модели древнерусского общества оказались включенными в систему восточной деспотии, которой по своей сути была Монгольская империя, в том числе и Джучиев Улус как часть созданной Чингиз-ханом и его потомками державы. «Батыев погром» и покорение русских земель в 1237—1242 гг. привели к подчинению русских князей власти монгольского каана и ордынского хана. Выразилось это в признании того факта, что «Не подобает жити на земли канови и Батыевэ не поклонившеся има» [1]. Большинство князей — владельцев земель как разоренных Батыем, так и не подвергшихся опустошительному нашествию, признали власть хана, получив в Сарае ярлыки на свои княжества.

Новгородская же земля в данной ситуации оказалась в особом положении по целому ряду параметров.

Во-первых, в ней сохранилось *коллегияльное принятие решений по внешнеполитическим вопросам*. Социальная структура Новгородской земли подразумевала невозможность единолично принимать решения по внешнеполитическим шагам и, таким образом, ни одно должностное лицо (архиепископ, князь, посадник или тысяцкий) не могло оформить вассальные отношения с ханом в обход веча.

Во-вторых, Новгород фактически *не был завоеван* войсками Батые. Это явилось одним из решающих факторов долгого не признания Новгородом ордынского сюзеренитета. Основанием для этого стало традиционное право средневековья — право сильного: потерявшей суверенитет считается завоеванная территория; соответственно завоеватель может претендовать на власть на данной земле. Как известно, Батый не дошел ста верст до столицы республики Новгорода и, соответственно, не имел права требовать от новгородцев подчинения и признания своей власти. Собственно, он и не требовал.

В-третьих, ордынская власть *закрепила Новгородскую землю за Владимирским великим княжеством*. В ходе юридического оформления зависимости Новгородская земля подчиняется Ярославу Всеволодовичу Владимирскому (1238 — 1246) и его потомкам. Именно великий князь Ярослав получает ярлык от Батые на Киев и всю Русскую землю, включая Новгород. А затем его сыновья — Александр (1252 — 1263), Ярослав (1263 — 1272), Василий (1272 — 1276) — последовательно владеют и Владимиром, и Новгородом с санкции ордынского хана. Установлено, что окончательно княжение Великого Новгорода становится неотъемлемой частью прерогатив Владимирского великого князя со времен Александра Невского [2]. А к началу XIV в. сами новгородцы признают сложившееся положение дел и перестают принимать наместников первых претендентов на престол до выдачи ордынским ханом ярлыка на владимирское княжество. Так, к примеру, случилось в 1304 г., когда в спор за власть вступили Михаил Ярославич Тверской и Юрий Данилович Московский, — наместники Михаила были высланы из города «до приизда князеи» из Орды [3].

В-четвертых, в Новгороде сохранилась *собственная структура фискального управления*. Как справедливо отметил В.Л. Янин, в 1259 г. была определена общая сумма выплаты с Новгорода. А способы получения данной суммы — это уже в сфере компетенции боярского управления [4]. Фактически власть Орды распространилась в Новгороде только после переписи населения в 1257 — 1259 гг.

В рамках общеимперских мероприятий в 1257 г. в Новгород прибыли монгольские чиновники Берка и Кацик с целью провести перепись населения и «десятины просити» для упорядочения взимания налогов и установления финансового контроля. Однако новгородцы «выгнаша их не давшее», «не яшася новгородцы по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миром» (т. е. откупились от представителей ханской власти, и их интересы при этом не пострадали). Но зимой 1259 г. те же послы с женами «и инех много» прибыли в Новгород с намерением все-таки произвести перепись. И «чернь не хотеша дати числа». Ордынцы «начали бояться смерти». Князь Александр Ярославич Невский вынужден был приставить к послам охрану. В то же время новгородское вече разделилось: «вятшии велятс яти меншим по числу» (под давлением аристократии простые новгородцы согласились на перепись). В результате утром следующего дня «творяху бо бояре собе легко, а меншим зло... почаша ездити оканьнии по улицам, пишуче домы христьянския» [5] (беря за единицу налогообложения хозяйство).

Таким образом, Новгородская земля стала подотчетна ордынскому правительству в налоговых обязательствах и вынуждена была выплачивать дань «выход» со всей территории республики. Правда, взималась дань раз в 7-8 лет, а полная сумма «выхода» собиралась только с жителей Торжка и «новоторжской земли» — территории, подвергшейся разорению полчищами Батые в 1238 г. При этом выплаты в Орду исключали жителей данных земель из системы сбора государственных податей в пользу Новгорода («поралья посадника и тысяцкого»). Вполне логично и закономерно, что ордынский «выход» взимался с тех земель, которые подверглись разорению монголо-татар. Именно они были покорены и, таким образом, должны были либо подчиниться, либо завоевать независимость. Новгородцы подчинились.

Дальнейшее развитие новгородской управленческой модели также имеет некоторые особенности. Фактическая непокоренность и сохранение за Новгородом не унифицированных ханской властью элементов управления ослабляли позиции Орды в отношениях с этими землями. Однако Новгородские земли еще несколько раз подвергались нецеленаправленным вторжениям (в ходе междоусобной борьбы на Руси), по результатам которых можно было бы считать их завоеванными.

Так, в XIII в. в рамках междоусобной борьбы за Владимирский великокняжеский стол между братьями-Александровичами (сыновьями Александра Невского) — Дмитрием Переяславским и Андреем Городецким — татарские отряды доходили вплоть до Новгорода в 1281, вероятно, в 1282, 1284, 1293 гг. Причем ордынской поддержкой не гнушался ни тот, ни другой

князь. Например, Дмитрий Переяславский в 1284 г. привел под стены Новгорода отряд из «Ногаевой Орды». Во всех случаях новгородцы откупались от ордынцев, но власть претендента, имеющего на тот момент на руках ярлык на великое Владимирское княжение, признавали. Тем самым они признали и факт своего подчинения ордынской власти как в виде ее атрибута — ярлыка, так и ее военной силы. По сути именно в результате этих вооруженных акций Новгородская земля оказалась «завоеванной» Ордой.

Тем не менее, Новгород отстоял свое особое положение по целому ряду аспектов управления.

1. Сохранился его уникальный политический статус: *Новгород не подчинялся напрямую ордынскому правительству*. Хан не назначал и не утверждал должностных лиц в городе, не отправлял наместников (не выдавал ярлыков). В Новгородской земле не было баскаков. Соответственно, представителями ханской власти, посредством которых осуществлялись взаимоотношения Новгорода с Ордой, были великий князь Владимирский и всея Руси и владимирский баскак (в Новгородской первой летописи младшего извода он назван «великим» [6]).

2. Новгород *не имел абсолютной подотчетности ордынскому суду*. Хроника событий XIII-XIV столетий указывает на определенные ограничения в процессуальных нормах судопроизводства. Новгородцы не имели прав напрямую апеллировать к верховному суду хана в случае возникновения спора с великим князем. К примеру, в 1270 г., когда великий князь Ярослав Ярославич испросил у хана Менгу-Тимура (1267 — 1280) войска для военного давления на Новгород, интересы республики в ставке хана представлял Василий Ярославич Костромской и новгородские бояре Петрила Рычаг и Михаил Пинецинич, срочно отправившиеся в Сарай вслед за гонимым великим князем Ратибором. В результате ордынская рать была отозвана с марша, поскольку князь Василий и новгородские бояре убедили хана, что «новгородцы прави, а Ярославъ виноватъ» [7].

3. Новгородцы получили возможность *представлять и излагать свою позицию перед ханом*. Например, в 1328 г. новгородцы представляли свои интересы в Орде посредством посла Федора Колесницы. Тогда они поддерживали кандидатуру Ивана Даниловича Калиты на великокняжеский Владимирский престол [8]. А в 1353 г. в ханскую ставку ездил новгородский посол Семен Судок «прося великого княжения Костянтину князю суздальскому; и не послуша их цесарь и дашеть Ивану князю Ивановичю великое княжение» [9]. При этом всегда положение новгородского боярства было тесно связано с властью княжеской. Но при выборе великого князя Владимирского и Новгородского учитывалось и их мнение.

4. Новгородская земля получила *возможность использовать военно-политическую мощь Орды* для отстаивания своего суверенитета и целостности от внешних угроз. Примером этого служит активное участие вооруженного отряда владимирского баскака Амрагана в событиях войны Новгорода с Орденом в 1268 г. — представитель верховной ханской власти был обязан защищать границы государства, в том числе и Новгородской земли.

5. Новгород имел возможность *не участвовать в военных внешнеполитических операциях Орды*. Тогда как русские князья совершают походы с ордынцами на Литву, Польшу, Болгарию, Северный Кавказ, новгородские рати участвуют (и как союзники, и как противники ордынцев) только в военных акциях, связанных с внутривосточной борьбой.

Таким образом, политические, судебные, совещательно-представительские, военные и внешнеполитические преференции Новгорода позволили ему активно развивать собственную управленческую модель и достичь стабильного положения в торгово-экономической деятельности, которая составляла наиболее значимую часть хозяйственной жизни города. Данная тенденция продолжилась и усилилась с ослаблением центральной власти в Орде в 1360 — 1380-е гг.

В период так называемой «великой замятни», а также в период активного распада Орды в первой половине XV столетия в русско-ордынских отношениях наблюдается ранее нетипичное явление — русские войска начинают вторгаться в пределы Джучиева Улуса. И немаловажная роль в таких вторжениях принадлежит грабительским походам новгородских ушкуйников. Они, с одной стороны, таким способом пытались устранить своих торговых конкурентов на волжском пути. С другой стороны, новгородская вольница пополняла таким способом свою казну. Показательно, что в официальных документах Новгородской земли сведения о подобных акциях «охочих людей» никаких свидетельств не сохранилось. Они есть только в великокняжеском летописании.

Это наглядно иллюстрирует политическую автономию новгородцев. Позволяя себе грабительские набеги на Орду, ушкуйники не боятся наказания. Карательную функцию фактически выполняет великий владимирский князь, однако ему не удается усмирить грабителей до физического их уничтожения.

К примеру, в событиях 1360 г., когда новгородские ушкуйники добрались до города Жукотин (Джаке-тау) и разграбили его, великий князь Владимирский Дмитрий Константинович по указу хана Науруса вынужден был выловить и выдать их на расправу ордынским послам [10]. Как ордынское должностное лицо он был обязан обеспечить соблюдение ордынской законности и наказать мятежников. Что и сделал князь Дмитрий Константинович, признавая тем самым данный порядок вещей. Новгородские должностные лица не принимали никакого участия в расправе, что подтверждает их автономный статус в системе ордынской государственности.

Однако расправа не остановила новгородскую вольницу. Летом 1374 г. ушкуйники спустились от Вятки к г. Булгару, разграбили его посад и взяли «окуп» размером в 300 руб. После этого 50 ушкучев спустилось до самой столицы Орды г. Сарай, разоряя берега Волги [11]. В августе 1375 г. две тысячи ушкучиков осуществили новый набег на Волгу. Первоначально ограбив ряд русских городов, в том числе Кострому и Нижний Новгород, ушкучики спустились в Булгар, где продали пленников. Затем они стали спускаться вниз по течению Волги, грабя прибрежные города (был разорен даже Сарай). И только на Нижней

Волге, у Астрахани, поддавшись на хитрость князя Салчея, ушкуйники были истреблены [12]. Это поражение надолго прекратило их грабительские вторжения. Позднее источники упоминают походы лишь в 1391 г. (разграблены Джак-тау и Казань) [13] и в 1409 г. (разорен Булгарский улус, но отряд был уничтожен, а его глава боярин Анфал Никитич попал в плен) [14].

Обзор событий новгородско-ордынских отношений показывает, что новгородская земля считалась ханами неотъемлемой частью Орды. На это указывает и тот факт, что крымские ханы, видевшие себя после разгрома Большой Орды в 1502 г. наследниками и правопреемниками Джучиева Улуса, считали себя вправе передавать Новгород, наряду с другими территориями, великому литовскому князю (ярлык Менгли-Гирея Сигизмунду, 1505 — 1507 г. [15]).

При этом у Новгорода в ордынской политической системе был особый статус. Его можно определить как состояние полувластности. Если большинство русских княжеств подчинялись хану напрямую, то Новгородская земля подвергалась влиянию ордынцев эпизодически. Все отношения Новгорода с ханами осуществлялись посредством великого князя Владимирского, который по факту получения ярлыка считался и великим князем Новгородским. Кроме того, Новгородская земля имела возможность представлять свои интересы в ставке хана, высказывать свои предпочтения в отношении претендентов на великокняжеское достоинство, рассчитывать на справедливый суд и вооруженную помощь и защиту, избегая участия во внешнеполитических конфликтах.

Опосредованность воздействия Орды проявилась и в договорах Новгорода с приглашенными князьями: в них оговаривалось, что в случае призвания князей ордынскими ханами они могли покидать Новгород, и это было им «не в измену». Кроме того, верховная ханская власть обеспечивала экономический иммунитет Новгороду в вопросах транзитной торговли. Об этом наглядно свидетельствуют сведения ярлыка хана Менгу-Тимура великому князю Ярославу Ярославичу: «Менгу Тимерево слово кль Ярославу князю: даи путь немецкому гости на свою волость» [16].

Следов значительного непосредственного влияния политических институтов Орды на Новгородскую республику не отмечается. Ордынские ханы оказались не в состоянии полностью контролировать Новгородскую землю. Влиять же на Новгород посредством владимирских князей не всегда оказывалось возможным: князья предпочитали действовать исходя из собственных интересов, а не из приоритетов ханов.

С другой стороны, возможность апеллировать к хану в обход великого князя способствовала упрочению политической независимости Новгорода от княжеств Северо-Восточной Руси. А получение торгового иммунитета и гарантии его соблюдения со стороны хана должны были значительно упрочить положение купечества в регионе. Эти факторы в свою очередь позволили развиваться новгородской модели управления без значительного влияния со стороны ордынской системы и автономно по отношению к великокняжеской власти.

Ослабление же власти ханов приводило к тому, что новгородцы предпочитали посредством военного

вмешательства захватывать рынки Поволжского торгового пути, не считаясь ни с властью Владимирского князя, ни с приоритетами сарайских правителей. Таким образом, уникальность общинно-республиканской модели управления в Новгороде, а также сложившиеся ситуативные обстоятельства позволили новгородцам извлечь довольно значительные выгоды из необходимости включения в состав политической системы восточного типа.

1. Сказание об убиении в Орде князя Михаила Черниговского и его боярина Федора // Библиотека литературы Древней Руси. Т.5. (XIII в.). СПб.: Наука, 2000. С.156.
2. Горский А.А. Москва, Тверь и Орда в 1300 — 1339 гг. // Вопросы истории. 1995. №4. С.36; Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С.143-144.
3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (далее НПЛ). М.; Л., 1950. С.92; Горский А.А. Москва и Орда. М.: Наука, 2000. С.43.
4. Янин В.Л. «Черный бор» в Новгороде XIV-XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С.98-107.
5. Селезнев Ю.В. Ордынские чиновники на Новгородской земле (историко-биографические заметки) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: Мат. науч. конф. Ч.1. В.Новгород, 2001. С.47-51.
6. НПЛ. С.88, 319.
7. НПЛ. С.88-89.
8. НПЛ. С.201-202.
9. Там же.
10. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т.XV. Вып.1. М.: Языки русской культуры, 2000. Рогожский летописец. Стб.69.
11. ПСРЛ. Т.XI. М.: Языки русской культуры, 2000. С.20.
12. ПСРЛ. Т.XI. С.24; Т.XV. Вып.1. Стб.113-114.
13. ПСРЛ. Т.VIII. СПб., 1859. С.61.
14. ПСРЛ. Т.XV. Тверской сборник. Стб.485.
15. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею. СПб., 1884. Т.2. С.4.
16. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.;Л., 1949. С.57.

Bibliography (Transliterated)

1. Skazanie ob ubienii v Orde knjazja Mikhaila Chernigovskogo i ego bojarina Fedora // Biblioteka literatury Drevnej Rusi. T.5. (XIII v.). SPb.: Nauka, 2000. S.156.
2. Gorskij A.A. Moskva, Tver' i Orda v 1300 — 1339 gg. // Voprosy istorii. 1995. №4. S.36; Janin V.L. Novgorodskie posadniki. M., 1962. S.143-144.
3. Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshhego izvodov (dalee NPL). M.; L., 1950. S.92; Gorskij A.A. Moskva i Orda. M.: Nauka, 2000. S.43.
4. Janin V.L. «Chernyj bor» v Novgorode XIV-XV vv. // Kulikovskaja bitva v istorii i kul'ture nashej Rodiny. M., 1983. S.98-107.
5. Seleznev Ju.V. Ordynskie chinovniki na Novgorodskoj zemle (istoriko-biograficheskie zametki) // Proshloe Novgoroda i Novgorodskoj zemli: Mat. nauch. konf. Ch.1. V. Novgorod, 2001. S.47-51.
6. NPL. S.88, 319.
7. NPL. S.88-89.
8. NPL. S.201-202.
9. Tam zhe.
10. Polnoe sobranie russkikh letopisej (PSRL). T.XV. Vyp.1. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. Rogozhskij letopisec. Stb.69.
11. PSRL. T.XI. M.: Jazyki russkoj kul'tury, 2000. S.20.
12. PSRL. T.Khl. S.24; T.XV. Vyp.1. Stb.113-114.
13. PSRL. T.VIII. SPb., 1859. S.61.
14. PSRL. T.XV. Tverskoj sbornik. Stb.485.
15. Akty, odnosjashiesja k istorii Zapadnoj Rossii, sobran-nye i izdannye arkheograficheskiju komissieju. SPb., 1884. T.2. S.4.
16. Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova. M.;L., 1949. S.57.